

СЛОВАКИ И ТОЛСТОВСКИЙ ПАЦИФИЗМ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на примере отношения словацкого патриота Д. Маковицкого, последователя движения русских толстовцев, показаны пацифистские настроения части российского общества на начальном этапе Первой мировой войны.

Ключевые слова: пацифизм, Первая мировая война, толстовство, словацкие патриоты, Д. Маковицкий.

Австралийский историк Кристофер Кларк, автор труда «Сомнамбулы. Как Европа шла на войну», говоря об истоках Первой мировой войны на открытии Зальбургского фестиваля летом 2014 года, указывал на то, с каким воодушевлением европейская культурная элита поддерживала эту войну. Даже такой выдающийся ученый, изменивший представление мира о человеке, как Зигмунд Фрейд, был весьма воодушевлен и говорил о том, что никогда не чувствовал себя австрийцем до такой степени, как после начала Первой мировой войны. Разумеется, откат произошел очень быстро, у Фрейда на войне погибли два сына, и вся европейская элита испытала горькое разочарование. Националистический ажиотаж, который охватил европейскую элиту перед Первой мировой войной, говорит о том, что даже самый развитый интеллект проигрывает мощи природной агрессии, заложенной в человеке-животном, легко попадает в сети национализма, особой исключительности своего народа. В те годы восторг Фрейда разделяли Томас Манн, Музиль, Гофмансталь, видевшие в войне очищение от буржуазности и застоя. Так люди культуры, всегда работавшие противовесом политики, предавали свое предназначение, пренебрегая собственными нравственными ориентирами.

Быть пацифистом накануне Первой мировой войны было небезопасно, а во время войны такие взгляды оценивались как государственная измена и преступление.

Пацифистское движение, вышедшее на арену мировой политики на рубеже веков, властно заявило о себе накануне Первой мировой войны. Пацифизм, будучи плюралистическим идейно-политическим течением, впитавшим в себя гуманистические ценности либерализма и мировых религий, стремился к искоренению насилия и войн международно-правовым или этическим путем.

Одним из направлений этического пути пацифизма стал пример движения толстовцев, последователей учения русского писателя Л. Н. Толстого «непротивления злу насилием». Среди последователей учения Л. Толстого было немало словацких патриотов. Контакты словаков с русским писателем являются одним из ярких сюжетов обширной темы русско-словацких связей.

Особое место в истории словацко-русских контактов занимает тема взаимоотношений представителя словацкой интеллигенции рубежа XIX–XX вв., медика, последователя и сторонника идей непротивления злу насилием Душана Маковицкого и известного русского писателя Л. Н. Толстого. Маковицкий принадлежал

к поколению словацких патриотов, так называемых гласистов¹, которые в своей борьбе и программах во многом ориентировались на учение Л. Толстого. В словацкой литературе существует мнение, что отношения Маковицкого и Толстого сыграли значительную роль в распространении учения русского писателя в Словакии в первую очередь в плане его критики существующего в России режима и православной церкви [10].

Традиционно «первую скрипку» в изучении взаимоотношений словацкого патриота и русского писателя играют литературоведы, изучавшие русско-словацкие отношения с точки зрения литературных связей². О словацком последователе идей Л. Толстого написано значительное число научных и публицистических работ [5, с. 77–85; 6, с. 315–325].

Характеризуя словацкого друга Толстого, академик А. Мраз писал: «В Маковицком, человеке в целом простом, уравновешенном и прямолинейном, соперничали друг с другом две привязанности: любовь к словацкой жизни и преданность учению Толстого» [11, s. 33]. Думается, мы не погрешим против истины, отметив, что была у него еще одна, третья привязанность – это Россия, которую он любил глубоко и искренне. И все три привязанности не соперничали, а дополняли друг друга. В 1907 году Д. Маковицкий писал в Словакию: «Жизнь в России для славянина полна такого же смысла, как бы он жил дома. Мы, словаки, в своей практической жизни (разделение труда, способ труда (инструментами)... стремление к порядку, чувство обязанности – исполнение долга (работа, за которую взялся и т. п.)... впереди русских... В России славянину легко привыкнуть и можно хорошо себя чувствовать. Пусть вас не страшат тревоги, в газетах все втрое или даже вчетверо преувеличено, а многое просто выдуманно»³.

Литература по проблеме взаимоотношений Д. Маковицкого и Л. Толстого в начале XX в. в основном представлена трудами словацких авторов и российских славистов, в первую очередь литературоведов. Особое место среди них занимает исследование словацкого ученого Т. Винклера [12].

В настоящее время обращение к «русской истории» Д. Маковицкого открывает новые подходы для исследователей: словацкое предпринимательство, гендерные отношения, генеалогия, медицинская практика⁴.

Наиболее значимые из современных публикаций о взаимоотношениях Л. Толстого и Душана Маковицкого, на наш взгляд, предприняты российским лингвистом

¹ От названия журнала *Нас*, вокруг которого сгруппировались сторонники так называемого чешского реализма и толстовства.

² См. сборник трудов конференции «Z ohlasov Tolsteho na Slovensku». Slovenske studie. IV. Bratislava, 1960; *Kolaфа S. Nastin zivota a dila D. Makovickeho* // Ibid. S. 163–184. В 1979 году в результате совместного проекта ученых-литературоведов России и Словакии вышло 4-х томное издание «Яснополянских записок» Душана Маковицкого; *Mraz A. K zivotopisnym romanom o dvoch slovenskych tolstojovcoch* // Ibid. S. 253–270. Кроме того, есть публикация статьи С. Колафы в предисловии к изданию «Яснополянских записок» 1979 г.: *Колафа С. Душан Петрович Маковицкий: Биографический очерк*. С. 32–49.

³ *D. Makovický A. Mamatejovi, s. d. (pravdepodobne 1907)*. Literární archiv Památníku národního písemnictví Praha, fond D. Makovický.

⁴ См., например: *Баганова М. Лев Толстой. Психоанализ гениального женоненавистника*. М.: АСТ, 2014.

А. Г. Машковой [3], профессором кафедры славянской филологии МГУ им. М. Ломоносова, и сотрудницей Института словацкой литературы САН Д. Гучковой [9, с. 2].

Менее всего изучено участие Д. Маковицкого в пацифистской деятельности кануна Первой мировой войны. Публикации архивов последних лет позволяют в год 100-летия начала Первой мировой войны вновь обратиться к этой теме и раскрыть малоизвестные сюжеты «русской истории» Д. Маковицкого¹.

Распространение толстовской мысли представляет собой важнейшую веху в глубоком кризисе европейского самосознания конца XIX в. Так называемое толстовство отразилось на судьбе католического реформизма (известного как модернизм), проникло в самые различные круги европейского общества: оно укрепилось в демократическом пацифизме и революционном милитаризме; было вдохновителем анархо-христианского движения; пользовалось большим успехом в международной социал-демократии². Учение Толстого оказало огромное влияние и на интеллигенцию, и на народные слои. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев заявил по этому поводу, что преклонение перед Толстым приняло характер «эпидемического сумасшествия» [4, с. 253]. Программа жизни по Толстому нашла в некоторых кругах практическое воплощение, или, по крайней мере, были предприняты действия, означавшие для русского общества существенную попытку преодолеть разрыв, отделяющий интеллигенцию от народа. Именно этот характер учения Толстого был остро воспринят молодой словацкой интеллигенцией, наиболее близко стоящей по своему духу к народной жизни.

Толстовство как уникальное общественное движение зиждилось на учении Л. Н. Толстого непротivления злу насилем, хотя писатель недвусмысленно поправлял: «Я Толстой, но не «толстовец» [7, с. 227].

С началом вступления России в войну, когда призыв захватил огромные круги людей, даже и не ожидавших этого, – перед всеми, кто жил религиозной жизнью, (среди них были не одни «толстовцы», а также малеванцы, евангелики, субботники и представители других народных религиозных сект), встал вопрос: кому же продолжать служить – Богу или дьяволу?

Но не в этом только, чисто пассивном протесте, выразилось отрицательное отношение религиозно настроенных людей к войне. В разных местах России были опубликованы христианские воззвания против войны, и, в частности, те два воззвания, которые и составили предмет судебного разбирательства на так называемом «деле толстовцев» в 1916 году.

«Толстовство», по сравнению с другими свободными религиозными течениями (положим, баптизмом), очень мало склонно к пропаганде и прозелитизму. Сам основатель учения не имел этой склонности и не ценил, не поощрял ее в своих последователях. «Толстовство» усвоило евангельскую традицию о том, что никто не обратится, пока не призовет его Отец. Это не значит, конечно, чтобы «толстовцы» скрывали свои убеждения или замыкались в своей среде. Они прямо

¹ «Воззвание имело целью... успокоить встревоженную войной совесть толстовцев-антимилитаристов» // Документы Государственного музея Л. Н. Толстого о судебном процессе 21–30 марта 1916 года // Отечественные архивы. № 3. 2006; Документы Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве о судебном процессе 21–30 марта 1916 г.

² См. об этом подробнее: А. Саломони. Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905) // Русская эмиграция до 1917 г. Лондон, 1996.

и откровенно высказывают при случае свою веру, но, кажется, еще ни один из них не сделал из проповеди, из пропаганды профессию. – «Не называйтесь учителями! «Это стало причиной того, что многие последователи учения Льва Толстого, в том числе и его секретарь В. Г. Чертков, не подписали воззвания.

Нужно было стечение обстоятельств, действительно, необыкновенных, чтобы понудить «толстовцев» на открытое выступление со словами вразумления к людям. Стечением таких обстоятельств объясняется отчаянное выступление толстовцев в августе-октябре 1914 г. против империалистической войны, выплеснувшееся несколькими воззваниями, и среди них воззвания: «Опомнитесь, люди-братья!» и «Милые братья и сестры» [1, с. 13].

В составлении текста этих двух воззваний большую роль сыграл русский толстовец, сподвижник великого писателя, биограф Л. Н. Толстого, его личный секретарь в последний год жизни В. Ф. Булгаков¹. Одним из первых (из 42 подписантов), кто поставил свою подпись под текстом и даже предлагал изменить название на «Опомнимся, люди-братья!», был Душан Маковицкий.

Появление этих воззваний и последующие события представляют интересную и сложную криминальную драму с судебным финалом. Как вспоминает В. Ф. Булгаков, «толстовцам было совершенно все равно, кто начнет войну против войны и прежде всех провозгласит призыв к миру. Если бы это сделала православная, или другая какая-нибудь церковь, мы с радостью примкнули бы к прекрасному движению. Но все церкви молчали. Один только папа Пий X, на просьбу австрийцев «благословить их оружие», ответил, что он благословляет только мир. Но и этот поступок можно приравнять лишь к желанию уклониться от прямого участия в деле войны, а не к протесту против этого дела и не к открытому порицанию его. Молчали и все христианские секты: у нас в России баптисты, соловьевцы, добролюбовцы, субботники, молокане, малеванцы...»².

Подготовленный В. Булгаковым текст проекта воззвания обсуждался в кругу толстовцев на хуторе Телятинки, где проживал и В. Г. Чертков. На следующее утро под текстом воззвания появились подписи искренних толстовцев – И. М. Трегубова, Д. Маковицкого, А. П. Сергеенко и других. В дальнейшем Булгаков собирал подписи при личных встречах или посредством переписки. К моменту ареста он располагал 43 подписями³, но не успел свести их в единый список. Планировалось переправить воззвание в Швейцарию, где находился единомышленник толстовцев П. И. Бирюков, который и должен был опубликовать документ в заграничной прессе на языках воюющих государств (немецком, французском, итальянском и русском). Таким образом, воззванию придавался международный характер.

¹ Булгаков В. Ф. (1886–1966) – секретарь Л. Н. Толстого в последний год его жизни. В 1922 году выслан из России большевиками. В эмиграции В. Ф. Булгаковым была подготовлена книга «Опомнитесь, люди-братья!» История воззваний единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг. В 1922 году в издательстве «Задруга» был издан первый том этого труда, охватывающий события 1914–1915 гг. Второй том так и не вышел. В 1993 году воззвания опубликовали М. А. и Е. Б. Рашковские. (См.: Религии мира: История и современность. М., 1993. С. 164–168).

² Там же.

³ По уточненным данным М. А. и Е. Б. Рашковских, Булгаков ошибочно насчитал 42 подписи.

Однако переслать воззвание за границу его авторам не удалось. 23 октября в Ясной Поляне был составлен текст нового антивоенного возвания «Милые братья и сестры!» Два дня спустя при попытке его расклейки у ворот железопрокатного завода под Тулой одного из инициаторов распространения возвания арестовали. Таким образом, раскрылся весь заговор толстовцев. В ночь на 27 октября жандармы произвели обыск у В. Ф. Булгакова в Ясной Поляне, и на следующий день его арестовали. Учитывая военное время и союзнические обязательства России, история с возваниями приняла серьезный характер и грозила серьезными наказаниями для его авторов и подписантов.

Предварительное следствие по делу толстовцев-пацифистов в Тульском губернском жандармском управлении длилось до конца июня 1915 года. Наконец, 18 июля 1915 года оно было передано на рассмотрение Московского военно-окружного суда¹. Толстовцев обвиняли «в произнесении или чтении публично речи или сочинения, или в распространении, или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих... к учинению бунтовщического или изменнического деяния...» Чтобы усугубить положение обвиняемых, тульский губернатор А. Тройницкий в свое постановление включил «просьбу» к суду: «Судить толстовцев по законам военного времени... при закрытых дверях и особыми сверх того ограничениями». По условиям военного времени коллективные антивоенные протесты среди гражданского населения также подлежали юрисдикции окружного военно-судного ведомства. Наказания, установленные статьей 129 «Уголовного уложения 1903 года», были суровы: от заключения в тюрьму до ссылки на поселение [8].

Из-за перегруженности военно-судного производства процесс состоялся только 21–30 марта 1916 года. Дело слушалось в Кремле при закрытых дверях под председательством генерал-майора С. С. Абрамовича-Барановского. В письме к присяжному поверенному Н. К. Муравьеву от 20 марта 1916 года Д. П. Маковицкий, в ответ на предложение изложить мотивы, побудившие его подписать воззвание, писал: «На обращение «Опомнитесь, люди-братья» я смотрел как на напоминание блюсти мир в душах своих. Такое напоминание было мне самому нужно, так как я разжигался войной. Считал, что оно так же нужно и другим, борющимся в себе с грехом войны. Подписал его как обращение главным образом *к себе*, ужасаясь тому, как затягивает меня война, и стараясь освободиться от этого участия в ней мыслями и обретать должное христианское отношение к ней. При этом чувствовал, что я не достоин подписывать его, как обращение к другим, сам не приобретши еще мира в себе. Но все-таки не мог не поддержать возгласа друга, чтобы за ужасами войны мы не забывали бы Бога» [1, с. 54].

Д. Маковицкому пришлось пережить трудное время ареста, судебного следствия и ожидания приговора. Но именно в этот период он ощутил, какую важную роль он играет в кругу и семье Толстых. Как вспоминал В. Ф. Булгаков, после обысков в Ясной поляне в январе 1914 года Маковицкого арестовали и отправили в тульскую тюрьму. «Провели Душана Петровича в камеру коридором подвального этажа, со спертым и смрадным воздухом, поразившим его; приехал он в тюрьму

¹ Из 43 подписавшихся перед судом предстали 27 человек, так как большая часть подписей не была идентифицирована.

с инфлуэнцией, – хорошо еще, что была теплая одежда; сидеть в течение 10 дней пришлось совершенно одному и без всякой возможности снести с содержащимися в той же тюрьме товарищами по делу; чувство человеческого достоинства протестовало против оскорбительности ареста... Все это расстраивало Душана Петровича, и первое время он немного приуныл» [1, с. 193]. Вскоре по ходатайству графини А. Л. Толстой ряд арестантов, в первую очередь Душан Маковицкий, были освобождены до суда под залог. При этом за австрийского подданного был дан самый большой залог – 1000 рублей (за трех других по 500 рублей)¹. В московском государственном архиве Л. Н. Толстого в специальном фонде, где собраны документы судебного процесса по дуле о воззвании толстовцев, хранится прошение графини и талон Московского губернского казначейства на сумму 2500 рублей.

Известен факт, что с ходатайством освободить Душана Маковицкого к товарищу министра внутренних дел В. Ф. Джунковскому обращалась и группа академиков из Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук [2].

В итоге судебного разбирательства преступление было квалифицировано не как «изменническое деяние», а как «религиозные побуждения» подсудимых. Приговор по делу толстовцев огласили 1 апреля 1916 года. Авторы воззвания были приговорены к двум месяцам тюремного заключения каждый. Причем был зачтен срок предварительного заключения.

Несомненно, что важную роль во время судебного следствия и в итоговом приговоре сыграли русофильские взгляды Д. Маковицкого, тем более если учесть, что он был подданным противоборствующей военной державы – Австро-Венгрии. Еще во время разбирательства по делу толстовцев в своих показаниях на процессе дочь русского писателя Т. Л. Толстая следующим образом охарактеризовала отношение Маковицкого к России: «Я еще хочу сказать о любви Душана Петровича к России: он был, так сказать, звеном между Венгрией и Россией и считался там русофилом. На днях, когда его выпустили на поруки, я посмотрела на него, такого старого, бледного, слабого и спросила его: «Душанчик, где вы свою жизнь окончите?» И он сказал, что не в Венгрии, куда он вернуться не может из-за своей любви к России, так как там за последнее время было 4000 казней за русофильство... Он всегда выражал свою любовь к России»².

Пережив страшные дни ареста и судебного разбирательства, Маковицкий вернулся в Ясную Поляну, где переселился из дома Толстых в деревню и стал все свои силы нераздельно отдавать служению крестьянам. Жил он здесь очень уединенно, прекратив почти все связи с друзьями и внешним миром. «Революция, война волнуют, – писал он летом 1917 г. своей бывшей помощнице в яснополянской амбулатории О. В. Завалиевской, которой он диктовал свои «Яснополянские записки» при перепечатке на машинке. – Но все больше сторонюсь их, ухожу в христианское мировоззрение и понимание Л. Н.»³.

¹ См.: «Воззвание имело целью... успокоить встревоженную войной совесть толстовцев-антимилитаристов» // Документы Государственного музея Л. Н. Толстого о судебном процессе 21–30 марта 1916 года // Отечественные архивы. 2016. № 3.

² Документы Государственного музея Л. Н. Толстого о судебном процессе 21–30 марта 1916 года // Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

³ Там же.

В апреле 1917 года в Сибири из пленных чехов и словаков, служивших в войсках Австро-Венгрии, стал формироваться особый корпус, сыгравший в следующем, 1918 году активную роль во время гражданской войны в России. Известно, что командование корпуса попыталось привлечь Маковицкого на службу в качестве военного врача. Однако, планы и действия чехословацкого корпуса, сама цель его создания, противоречили взглядам словацкого толстовца. Он послал решительный отказ, который был мотивирован в духе толстовского учения. «Милые братья, – писал Маковицкий в апреле 1918 года в Омск, – опомнитесь, освободитесь от ужасного равнодушия этого заблуждения (заблуждения, что борьба, животная борьба, может быть свойственна и не губительна человеку), и вы узнаете радость, благо, святость жизни, не нарушимые ничем: ни нападками других людей – потому что нападки эти будут только поводом усиления любви, ни страхом смерти – потому что для любви нет смерти»¹. И он советовал солдатам и офицерам чехословацкого корпуса отказаться от военной службы, жить трудовой жизнью в Сибири и осуществлять на деле заветы Толстого.

Октябрьскую революцию Маковицкий встретил без озлобленного и враждебного чувства. Отмечая в своем дневнике, что привилегии помещиков, чиновников, рантье, купцов и прочих сходят на нет, Маковицкий записал 2 декабря 1917 года: «Идея господства одной нации над другой этой войной кончается, как и человека над человеком, господина-эксплуататора» [2].

Весной 1919 года Маковицкий заболел сыпным тифом, свирепствовавшим в округе. Целых семнадцать месяцев был он прикован к постели. Ему пришлось в это время преодолеть, кроме тифа, еще ряд тяжелых заболеваний: воспаление легких, воспаление почек, ишиас, экзему. Крестьянская девушка из Ясной Поляны М. К. Орехова, помогавшая ему и раньше в лечебнице, самоотверженно ухаживала за ним все это время. Вскоре Маковицкий женился на ней. По мере выздоровления он снова стал интересоваться политической жизнью России.

Со времени последней поездки Маковицкого на родину прошло почти десять лет, хотя он не раз собирался он возвратиться домой. На первых порах ему мешала работа над завершением «Яснополянских записок», потом – Первая мировая война, болезни и гражданская война в России. Только летом 1920 года создались условия для поездки в Словакию. Покидая Ясную Поляну в сентябре 1920 г., Маковицкий еще далеко не выздоровел. Почти все свои книги и рукописи, в том числе «Яснополянские записки», он оставил в московском Музее Толстого. Транспорт пленных, с которым ехали Маковицкий и его жена, покинул Москву в первые ноябрьские дни 1920 г. и через Нарву направился в Ригу. Оттуда они перебрались в Штеттин. Затем – снова посадка в поезд. До родного Ружомберока Маковицкий добрался только 21 ноября.

И после возвращения на родину Душана Маковицкого «не отпускала Россия», в своей повседневной жизни он остается верен идеям русского писателя. О своих планах и настроениях Д. П. Маковицкий писал другу Ф. Веселы в январе 1921 года: «Отдаться медицинской практике, собственно говоря, мне и не хочется. Я предполагал было заниматься переводами и изданием *Poučné čítanie*, но мне необходимо добывать себе хлеб насущный. Тогда уж лучше частная практика <...>. Неприятно

¹ Письмо к И. Марковичу от 26 апреля 1918 года // Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

и совестно добиваться государственной службы, получать жалованье. Моя жена, слава богу, скромная женщина и придерживается одинаковых со мною религиозных взглядов. Ей никак не удастся привыкнуть к здешним местам, горы душат ее, а люди кажутся бессердечными. В Ясной Поляне ее окружали личности глубоко душевные, лучшие представители великой России. Таких людей у нас, конечно, нет». И в другом письме: «Там нас рассматривали как людей, достойных внимания, здесь же мы – меньше горошины. То, что в нас наиболее заслуживает внимания, – никто не оценит, это никому здесь не нужно».

Своему чешскому другу, Я. Яначеку, также последователю Толстого, Маковицкий писал: «Я все еще не нашел, где обосноваться: и материальные затруднения, и ощущение старости, и сознание, что ослабел, лишился воли, энергии...» [2]. 12 марта 1921 года жизнь Д. Маковицкого трагически оборвалась. Так завершилась «русская история» незаурядного представителя словацкого общества, сыгравшего особую роль в истории русско-словацких связей и словацкого толстовства, одного из наиболее ярких проявлений идеи пацифизма начала XX века.

Библиография

1. Булгаков В. Ф. «Опомнитесь, люди-братья!» История воззваний единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг.».
2. Колафа С. Д. П. Маковицкий: Биографический очерк // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/>
3. Маикова А. Г. Лев Толстой и Душан Маковицкий // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный симпозиум. М.: МГУ, 2012.
4. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2.
5. Рокина Г. В. Л. Н. Толстой и Д. Маковицкий: из истории русско-словацких контактов XIX в. // Вестник Мар. гос. пед. ин-та. 2004. № 1.
6. Рокина Г. В. Словацкое толстовство: Д. Маковицкий и Л. Н. Толстой // Британская ойкамена российской новистики: к 70-летию профессора И. И. Шарифжанова. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2010.
7. Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1976.
8. Уголовное уложение 1903 года // Свод законов уголовных, СПб., 1915. Ст. 129. П. 1.
9. Huckova D. Obráz Ruska a ruskej kultury v slovenskej spoločnosti na konci 19. A na začiatku 20. Storočia (casopis Hlas a jeho generacni spoluputnici // Slavica Slovaka. R. 48. 2013.
10. Kodajova D. Neznámy list D. Makovickeho profesorovi T. D. Florinskemu (z r. 1907), propagatorovi slovenskej otázky v Rusku // Slovanske studie. Bratislava, 1992.
11. Mraz A. L. N. Tolstoj u slovakov. Bratislava, 1950. S. 33.
12. Winkler T. Tragické hľadanie života. Dusan Makovicky: život a dielo v dokumentoch. Martin: Osveta, 1991.

G.V. Rokina

THE SLOVAKIA AND TOLSTOY'S PACIFISM DURING THE FIRST WORLD WAR

In the article on the example of the relationship of the Slovak patriot D. Makovitsky, followers of the movement Russian Tolstoyans shown pacifist sentiments of the Russian society at the beginning of the First World War.

Keywords: pacifism, First World War, Tolstoyan, Slovak patriots, D. Makovitsky.